

воспевали друзья поэта, Гвидо Кавальканти и Лапо Джиянни: «хотел бы я, чтобы каким-нибудь волшебством мы очутились, ты, и Лапо, и я, на корабле, который шёл бы по всякому ветру, куда бы мы ни пожелали, не страшась ни бури, ни непогоды, и в нас постоянно росло бы желание быть вместе. Хотел бы я, чтобы добрый волшебник посадил с нами и монну Ванну (Джиованну), и монну Биче (Беатриче), и ту, которая стоит у нас под номером тридцатым, и мы бы вечно беседовали о любви, и они были бы довольны, а как, полагаю, довольны были бы мы!»

Но Данте Алигьери был способен к другому, более выпретенному чувству. Когда он выходил из игривого тона и вдумывался в голос своего сердца, любовь казалась ему чем-то священным, таинственным, в чем плотские мотивы улетучивались до желания лицезреть Беатриче, до жажды одного её привета, до блаженства петь ей хвалы. Чувство настраивалось до крайностей одухотворения, увлекающая за собою и образ милой: она уже не в обществе весёлых поэтов; постепенно одухотворяемая, она становится призраком, «молодой сестрой ангелов»; это божий ангел, говорили о ней, когда она шла, венчанная скромностью; её ждут на небе. «Ангел вещает в божественном провидении: Господи, свет не надивится деяниям души, сияние которой проникает в самое небо; и оно, ни в чем не знающее недостатка, кроме недостатка в ней, просит её у Господа, все святые молят о том его милость, одно лишь Милосердие защищает нашу (людскую) долю». Господь, ведающий, что говорит о мадонне (Беатриче), отвечает так: «Милые мои, подождите спокойно, пусть ваша надежда пребывает пока, по моей воле, там, где кто-то страшится её утратить, кто скажет грешникам в аду: я видел надежду блаженных». Это – отрывок одной канцоны из «Vita Nuova» (§ XIX), ещё не предвещающий Божественной Комедии, но уже родственной ей по настроению, по идеализации Беатриче.

Когда она умерла, Данте Алигьери был неутешен: она так долго питала его чувство, так сроднилась с его лучшими сторонами. Он припоминает историю своей недолговечной любви; её последние идеалистические моменты, на которые смерть наложила свою печать, невольно заглушают остальные: в выборе лирических пьес, навеянных в разное время любовью к Беатриче и дающих канву Обновлённой жизни, есть безотчётная преднамеренность; все реально-игривое устранено, как напр. сонет о добром волшебнике; это не шло к общему тону воспоминаний. «Обновлённая жизнь» состоит из нескольких сонетов и канцон, перемежающихся коротким рассказом, как биографическую нить. В этой биографии нет казовых фактов; зато каждое ощущение, каждая встреча с Беатриче, её улыбка, отказ в привете – все получает серьёзное значение, над которым поэт задумывается, как над совершившейся над ним тайной; и не над ним одним, ибо Беатриче – вообще любовь, высокая, поднимающая. После первых весенних свиданий нить действительности начинает теряться в мире чаяний и ожиданий, таинственных соответствий чисел три и девять и вещей видений, настроенных любовно и печально, как бы в тревожном сознании, что всему этому быть недолго. Мысли о смерти, пришедшие ему во время болезни, невольно переносят его к Беатриче; он закрыл глаза и начинается бред: ему видятся женщины, они идут с распущенными волосами и говорят: и ты также умрёшь! Страшные образы шепчут: ты умер. Бред усиливается, уже Данте Алигьери не сознаёт, где он: новые видения: женщины идут, убитые горем и плачут; солнце померкло и показались звезды, бледные, тусклые: они тоже проливают слезы; птицы падают мёртвыми на лету, земля дрожит, кто-то проходит мимо и говорит: неужели ты ничего не знаешь? твоя милая покинула этот свет. Данте Алигьери плачет, ему представляется сонм ангелов, они несутся к небу со словами: «Осанна в вышних»; перед ними светлое облачко. И в то же время сердце подсказывает ему: твоя милая в самом деле скончалась. И ему кажется, что он идёт поглядеть на неё; женщины покрывают её белым покрывалом; её лицо спокойно, точно говорит: я сподобилась созерцать источник мира (§ XXIII). Однажды Данте Алигьери принялся за канцону, в которой хотел изобразить благотворное на него влияние Беатриче. Принялся и, вероятно, не кончил, по крайней мере он сообщает из неё лишь отрывок (§ XXVIII): в это время ему принесли весть о смерти Беатриче, и следующий параграф «Обновлённой жизни» начинается словами Иеремии (Плач I): «как одиноко стоит город некогда многолюдный! Он стал, как вдова; великий между народами, князь над областями, сделался данником». В его аффекте утрата Беатриче кажется ему общественной; он оповещает о ней именитых людей Флоренции и также начинает словами Иеремии (§ XXXI). В годовщину её смерти он сидит и рисует на дощечке: выходит фигура ангела (§ XXXV).

Прошёл ещё год: Данте тоскует, но вместе с тем ищет утешения в серьёзной работе мысли, вчитывается с трудом в Боэциево «Об утешении философии», слышит впервые, что Цицерон